

— Виктор Владимирович, новая литература порождает немало различных толков и споров. Как вы, один из ее лидеров и теоретиков, определяете для себя ее сущность, ее родовые черты?

— Самая главная родовая черта новой литературы в том, что она не замыкается в пределах какого-то одного направления или школы, на которые молится, а как бы ворует, использует различные фрагменты любых культур, причем не только безотносительно временного и пространственного их бытования, но даже и значимости. Избранная культура может быть великой и бездарной, глупой и смешной или отвратительной, как соцреализм. Важно, что видовой набор, а это именно набор, комбинация культурных реалий, дает возможность выразить свое собственное представление о человеке, кстати весьма непростое. Оно пессимистичное, ибо человек в XX веке нас разочаровал, но не такое уж отчаянное, поскольку отчаянием в наше время никого не удивишь. Новая литература как форма преодоления и пессимизма, и отчаяния, и оптимизма как бы открывает дверь в иные измерения.

— Вы удовлетворены тем, что удалось сделать?

— Не очень, и прежде всего потому, что сейчас наступил откат, никто нам на смену не пришел. Ужасно, но мы остаемся едва ли не самыми молодыми писателями, будучи уже немолодыми людьми. И в этом смысле наше поколение не состоялось, как и поколение "серебряного века". Не нашлось тех, кто смог бы продолжить начатое. С одной стороны, мы оказались в достаточно привилегированном положении литераторов, нашедших свою собственную нишу, с другой — наша литература как бы абсорбирована, плодов не видно.

— В чем причина?

— Ответ кроется в вашей реплике об определенном пороге культурного знания. У молодых для того, чтобы эксплуатировать и разрабатывать нишу, заполненную нами, его явно не хватало, а другой они найти не сумели. В русской литературе добиться этого сложно — лакум практически не осталось. Попытавшись вслед за нами проникнуть в сферу зла и увидев, что там почти все сделано, они начали работать вокруг этой темы. Появились имитационная эротика и чернуха, быстро показавшиеся всем скучными. Ведь на самом деле наша литература ни к кому ни к другому никакого отношения не имеет. Они бросились обратно — к гуманистическим идеалам, но уж те-то были раскрыты русской литературой от души. И художниками великими. Тут молодые закисли. Конечно, это пугает, поскольку литературный процесс прерывается, а для России это ситуация редкая.

— Каков выход?

— Новый Пушкин должен родиться.

— Десятилето девятый год близок...

— Я вполне серьезно. Необходим человек, никому не подражающий, ни на кого не оглядывающийся, живущий в своей собственной и совершенно новой культурной плоскости.

— Писатели постмодернизма больше известны на Западе, чем здесь, что, наверное, вас огорчает.

— С какой точки зрения на все это посмотреть. Столкнуться две вещи. Во-первых, мы довольно резко порвали с традициями советской и постсоветской литературы, и для читателя наши писатели стали чуть ли не эстетическим и этическим шоком, хотя это те же русские буквы и реалии, но поданные с другим знаком. Было бы наивным рассчитывать на успех у людей, ориентированных на огромный пласт совсем другой культуры. Во-вторых, критика вновь доказала свой пещерный уровень. Происшедший прорыв

требовал аналитического исследования, а она не провиди- нулась далее упреков в эпата- же и издевательствах над ли- тературой. Причем мы попали в своеобразные эстетические клещи — нас не признали ни старшее, ни молодое поколе- ние критиков. Я, например, и у тех, и у других до сих пор хожу под знаком сатанизма.

Тем не менее, несмотря на столь, казалось бы, неблагоп- риятные обстоятельства, я не считаю, что произошло что-либо досадное и обидное и что наше творчество не вост- требовано. Просто эпоха может быть представлена и миллио- ном читателей, и двадцатью тысячами. По-моему, и успех на Западе говорит о том, что там воспринимается слово в чистом виде, ни о какой про- фанации речи нет. Для меня самое яркое свидетельство — премьера в Амстердаме оперы "Жизнь с идиотом", нашей совместной работы со Шнит- ке. Голландская публика во главе с королевой шла в гро-

дома, вдоволь нахлебавшись от воспитателей и детей, а по- том долго перебирался с места на место. Глаза его увлажни- лись: "Какие же хорошие у нас люди. Вот о чем надо пи- сать". Я спросил: "Позвольте, а из детства вы разве от собак бежали?" Он над этим задумался. Похоже, впервые в жизни.

— Вы сказали о выходе ва- шего Собрания сочинений. Со- гласитесь, событие в наше вре- мя достаточно редкое.

— Тем более Собрание со- чинений человека, не полу- чившего никаких премий, не достигшего юбилейного воз- раста (мне сорок восемь). Без- условно, в том присутствует момент везения, что со мной в жизни случилось не раз. На- шлись чудесные люди, пове- рившие в меня и взявшиеся за осуществление проекта: тве- рской предприниматель Алек- сандр Кичигин, московский распространитель книг Сергей Гушин и редактор Ирина Бо- рисовна Трофимова, полтора

года жизни потратившая на мои три тома. Я им бес- конечно благодарен. О первой книге я уже упоминал, две последующие ско- ро выйдут. Во вторую, которая называется "В лабиринте про- клятых вопро- сов", вошли статьи о мар- кизе де Саде, В. Розано- ве, Л. Ше- стове, А. Лосе- ве, "Вера и гума- низм До- стоевско- го", "Морфо- логия русского народного секса". Словом, этот том — дань памя- ти всем, кто мне близок и до- рог. Думаю, он станет своеобразным подарком критикам, заявляющим, что я лишь все отвергаю. Третий том составят небольшие эссе, почти каждое из которых при появлении вызвало литературный скан- дал, а кроме них — роман "Страшный суд". Первая пуб- ликация большой серьезной работы, поэтому волнующ.

— Ваш трехтомник издается "Молодой гвардией". Насколь- ко знаю, там же скоро выйдет составленный вами сборник "Русские "цветы зла". Доволь- но неожиданный творческий союз.

— Вообще-то многие удив- ляются, но ничего особенного здесь нет — издательство про- должает находиться в стороне от возни вокруг постмодер- низма. Издатели либеральные

для следующего поколения она оказалась буквально не- стерпимой, и, не отвергая ее и не отталкивая, а как бы разло- жив эстетически и этически, оно выдвинуло идею внутрен- него зла. На самом деле более глубоко и, если хотите, бо- лее христианскую, ибо Хри- стос, как известно, сказал, что истинное зло, угрожающее че- ловеку, есть зло внутреннее. Все предыдущие российские формы спасения человечества захлебывались потому, что за основу брались какой-то неяс- ный человек. Отчего мы до сих пор приходим в ужас от своего народа после очеред- ных выборов? Оттого, что рус- ская литература изготвила нам ловушку, выковав дале- кий от реальности его образ. Мы до сих пор попадаем в нее, меряя первую любовь по Наташе Ростовской и поверяя большинство своих эмоций по Тургеневу или Чехову, что вы- глядит весьма оптимистично, несмотря на весь его песси- мизм. Мы выходим в жизнь

идеалистами и только к смерти начинаем понимать, что с нами нечто не- ладное про- исходит.

Но в а- ли- т е- р а- ту- р а н е х о-

поколении литературы пост- модернизма, безусловно, выделяются Пригов и Рубин- штейн в поэзии. Харитонов, Сорокин и Евгений Попов — в прозе. Вокруг них выстро- ился ряд писателей, может быть, не думавших о своей принадлежности к "цветам зла", но высказавших нечто новое и очень близкое по су- ти. К ним относятся и Т. Тол- стая, и Довлатов, и Лимонов, и питерский Валерий Попов. Всего в книге двадцать один автор. Хотел бы раз и навег- да подчеркнуть, что эти писа- тели, во всяком случае боль- шинство из них, не злые лю- ди и не монстры. Просто они сумели услышать зов культу- рного контекста времени, вы- двинувшего идею зла, и под- чинились ему. Вместе с ними начинали и другие талант- ливые литераторы, но, не услы- шав этого зова, они предпо- чли другие ценности — тради- ционно гуманистические, православные и т. д. Сегодня, спустя двадцать лет, где они? Как писатели они не состоя- лись, что служит веским дока- зательством того, что творче- ство есть соединение личного таланта с культурным контек- стом эпохи, дающим не толь- ко необходимую энергетиче- скую подпитку, но и выпол- няющим своего рода роль партнера или стенки, как в теннисе. Чтобы вести игру, писатель должен получать мя- чи обратно. С самим собой играть невозможно.

— Вы — сын дипломата, с детства бывали за границей. Как это повлияло на вашу жизнь?

— Это, видимо, было пер- вое из многих везений. С де- вяти до двенадцати лет я жил в Париже, очень люблю его и знаю наизусть, да- же географически за- разился — береза и каштан мне одина- ково дороги. На- верно, то, что я никогда не испы- тывал состояния глухого советского заключения, не вызывало у меня мыслей об эми- грации. Самая нормальная фор- ма существова- ния, по-моему, жить здесь, но иметь возмож- ность жить там. Сейчас я почти половину време- ни провожу за границей.

— А если в стра- не все резко ме- няется?

— Признаться, я не подвержен паническим настроениям. Возвращение на круги своя невозможно по той причине, что бывлой коммуни- стический энтузиазм у людей отсутствует, их голосование — лишь реакция на ошибки, а не мировоззрение. Если комму- нисты все же победят, то бу- дет не повторение, а просто очень плохой вариант, в чем- то даже более противный, чем советский. Тогда хотя бы ощу- щалось, что несправедливое общество навязано сверху, а теперь оно обретается на волю народа — сами себе таковое пожелали. Причина — в от- сутствии в нашем обществе политической культуры. На- род ею не обладает, естест- венно, легко становится добы- чей любой формы демагогии. Интеллигенция тоже ею не обладает и не умеет убедить народ. Однако все не так без- надежно. Меня очень порадо- вали результаты декабрьского голосования в Москве и Пи- тере. Столько муты и дряни в обеих столицах, но на общем фоне они выглядят просвет- ленными. Значит, политиче- ская культура хотя бы в них сдвинулась с нулевой точки и они так легко не сдадутся на милость возможных победите- лей. Конечно, если произой- дет худшее, люди станут ис- кать пути к существованию, начнут ломаться, появится масса конформистов. Жить будет трудно, но не невозмож- но.

Беседу вел Александр НИКОЛАЕВ.

БЕРЕЗОВАЯ РОЩА, КАШТАНОВЫЙ БУЛЬВАР

Виктору Ерофееву они одинаково дороги

мальный, почти в полгорода, театр, чтобы поприветствовать русских художников, након- ец-то обретших вольность. Вроде бы акция политическая, но, когда после первого дейст- вия в зале зависла какая-то особая тишина, стало ясно, что пришедших по моральной обязанности людей вдруг пе- ревернуло, "перепахало", как выражается молодежь. После спектакля певцы говорили, что никогда не слышали таких аплодисментов. Кстати, имен- но в Голландии лучше всего идут мои книги, а "Русская красавица" была бестселлером в течение нескольких месяцев. У нас же пока царит какая-то дикость. Так, недавно мне сказали, что первый том изда- ваемого "Молодой гвардией" моего Собрания сочинений (в него вошла и "Русская краса- вица") был признан читателя- ми "Книжного обозрения" худшей книгой года. А уж о критике говорить не стоит, удивительно, но я буквально каждым своим текстом выра- батываю у них рефлекс слю- ноотделения. Но если на За- паде никто не кричит: "Чудо- вищно, безобразно!" — а, нао- борот, пытается вникнуть в суть и увидеть хорошее, то ли- бо с ними не все в порядке, либо наш градусник культуры сбит и неверно показывает температуру.

— Вы нашли для себя объяс- нение?

— Не до конца. Склоняюсь к тому, что причина кроется в ментальности нашей культу- ры, особенно советской — она всегда была культурой пропове- ди, и в том ее великая сла- бость и грех, которые еще мо- гут потащить нас назад, к пло- хой литературе. Согласитесь, если меня разобьет вдруг ра- дикулит, а я начну всем окру- жающим кричать о пользе бе- га и прыжков, то буду выгля- деть карикатурно. Однако для нашей культуры этот разрыв между частным экзистенци- альным состоянием и публич- ной проповедью — норма. Он порождает у выросших на та- кой почве людей алогизм мышления, иногда просто чу- довищный. Как-то мне дове- лось брать для "Литературки" интервью у одного из тогдаш- них идеологов. Он меня тер- петь не мог за образ мыслей, но согласился, чтобы публич- но дать отпор в печати. Разу- меется, ничего не опубликова- ли. Зато сама встреча произве- ла на меня сильное впечатле- ние. Он вдруг начал рассказы- вать, как сбежал из детского

года жизни потратившая на мои три тома. Я им бес- конечно благодарен. О первой книге я уже упоминал, две последующие ско- ро выйдут. Во вторую, которая называется "В лабиринте про- клятых вопро- сов", вошли статьи о мар- кизе де Саде, В. Розано- ве, Л. Ше- стове, А. Лосе- ве, "Вера и гума- низм До- стоевско- го", "Морфо- логия русского народного секса". Словом, этот том — дань памя- ти всем, кто мне близок и до- рог. Думаю, он станет своеобразным подарком критикам, заявляющим, что я лишь все отвергаю. Третий том составят небольшие эссе, почти каждое из которых при появлении вызвало литературный скан- дал, а кроме них — роман "Страшный суд". Первая пуб- ликация большой серьезной работы, поэтому волнующ.

— Беспокоят очередные на- падки критики?

— Наверное, если бы не ус- пех "Русской красавицы" на Западе (все-таки она на 27 языков переведена), я точно ожидал критических пощечин и тратил на это часть жизнен- ной энергии. Теперь я обрел...

— Уверенность?

— Пишущий человек ни- когда не бывает уверенным. А вот что касается независимо- сти, то ее ощутил несомненно. Меня совершенно не задевает, какой будет признана книга — худшей или лучшей — и что вообще о ней напишут. Осво- бождение от диктата местных или, точнее, местных писателей — штука великая. Может быть, главное литера- турное везение.

— Во время создания "Мет- роПоля" вы испытывали нечто подобное?

— Не совсем, то было лишь чувство политического осво- бождения. После выхода аль- махаха я перестал считаться советским писателем и совет- ским человеком, меня из этих списков вычеркнули. Пра-

имеют на сей счет свои кон- цепции, я в них не вмешуюсь, поэтому с ними ничего не по- лучается. Кстати, и раньше мне всегда легче было сотруд- ничать с консервативными из- дательствами, поскольку их руководители, не принимая мои сочинения как "ненаши", могли вдруг сказать: "Все-таки что-то здесь есть, ладно, напечатаю". А имевшие репу- тацию либералов постоянно чего-то боялись.

— "Русские "цветы зла"... Прямое заимствование у Бод- лера подчеркивает ощущение вами внутренней связи с куль- турой модернизма. Какова кон- цепция этого сборника?

— Я довольно давно при- шел к убеждению, что в на- шей культуре зло в основном воспринималось как изме- рение социальное: человек внут- ренне всегда хорош, плохи со- циальные отношения. Исто- рический общественный опыт ничему нас не учил, и если Запад на этом пути постепен- но заполнял пустые клеточки и больше к ним не возвраща- лся, то в России все шаги впе- ред стирались, как следы на песке. Каждое новое поколе- ние начинало все с нуля. По- разительно, но наши "шести- десятники" восприняли трагед- ию страны и народа только в социальном измерении и ри- нулись добиваться "социализ- ма с человеческим лицом". Помните, как эта программа развивалась "Новым миром" или прежней "Юностью"? Но

чет никого пугать и разоча- ровать, она пытается создать свой идеальный мир и выстрав- ливает его, исходя из представ- ления о человеке, как после столкновения самых противо- положных желаний и чувств. Что касается названия, то его подсказал сам собранный мной материал. Я словно на- рвал букет причудливых цве- тов, сделал из них икебану и поставил себе в комнату.

— Что же за "цветы" в той икебанае?

— Во-первых, Варлам Ша- ламов — он, безусловно, наш литературный праотец. Он писал в одно время с Солже- ницыным и об одном и том же, но открыл совершенно иную картину мира и челове- ческих возможностей. Солже- ницын — своего рода Орфей, спустившийся в ад, чтобы от- крыть там Ивана Денисовича, а Шаламов — Плутоний, по- ведавший, что там слишком страшно и черта, за которой человеческая душа ломается, невероятно тонка. Именно эта пограничная ситуация оказалась почти не исследо- ванной русской литературой, даже Достоевским. После Шаламова появилось немало писателей-кентавров, в кото- рых было нечто от "шести- десятников" и нечто от новой литературы, то есть их попе- ренно вело то внешнее, со- циальное, то внутреннее. Наиболее сильные из них — Петрушевская и Горенштейн. В следующем, уже собственно

